

Оглавление

ГАБРИЭЛА

8:15–9:00	Математика	11
9:05–9:50	История	18
9:50–10:05	Перемена	37
10:05–10:50	Литература	40
10:55–11:40	Иврит	53
11:40–11:55	Перемена	68
11:55–12:40	Библия	70
12:45–13:30	Музыковедение	79
13:30–14:00	Последняя перемена	88
14:00–14:45	Специальность: камерный ансамбль.....	90
14:45–15:30	Специальность: камерный ансамбль.....	96

НОА

Поздравляю, красавица!	109
<i>Happy Birthday!</i>	126
Уже совсем большая девочка!	144
Здоровья, радости, денег и... денег	155
Всего тебе самого-самого!	166
День рождения — лучший праздник!	181
Чертов сороковник!!!!	197
Всё? Мы потеряли тебя? Почему не отвечаешь?	203

ЦИПОРА

Инцидент	211
Нихрена себе!	223
Жало	229
Мудрое сердце	245
Список контактов	256
Тишина звенящая	261
Нет пророка в своем отечестве	274
Вирус	285
Живот	301
Рыба на шаббат	309

ГАБРИЭЛА

8:15 - 9:00	Математика
9:05 - 9:50	История
9:50 - 10:05	перерыва
10:05 - 10:50	Литература
10:55 - 11:40	Иерих
11:40 - 11:55	перерыва
11:55 - 12:40	Библия
12:45 - 13:30	Музыкаведение
13:30 - 14:00	Большая перерыва
14:00 - 14:45	Камерный ансамбль
14:45 - 15:30	

8:15–9:00 Математика

Расстояние между пунктом А и пунктом В — 5 км. Человек вышел в путь из пункта А в пункт В и двигался с постоянной скоростью...

Габриэла так и не обнаружила общего подмножества между собой и теорией чисел. Уравнения выводят ее из равновесия, дроби дробят на части, а словесные условия задач лишают слов.

Если плотник в день делает шесть стульев...

“Сколько пальцев остается у него к концу рабочего дня?” — тут же отзывается ее мозг.

Два автобуса выехали одновременно из одной точки...

Но ничего этого Габриэла не слышит.

В эту среду, как и каждое утро, она, выйдя из пункта А — родительской квартиры в Рамат-Авиве, села в автобус и направилась в пункт Б — художественную

гимназию в центре Тель-Авива. Но, несмотря на это, парта во втором ряду возле окна, постоянное место Габриэлы в классе, осталась пуста, а белые потрепанные кеды движутся по тротуару в направлении от школы.

Она останавливается рассмотреть себя в боковом зеркале припаркованной под знаком “стоянка за-прещена” машины. Ее кудри, обычно достающие до шеи, словно съжились и едва прикрывают уши. Щеки горят. От холода? От возбуждения? От ужаса? Она с удивлением разглядывает себя: разве люди от страха не должны бледнеть?

Кто помнит, как решаются задачи с двумя неизвестными?

Парта рядом с партой Габриэлы, за которой сидит Йонатан Тауб, тоже пустует.

Будь у нее сейчас телефон, могла бы написать ему: “На мне серый свитер, который ты ненавидишь. Это чтобы ты умолял его снять”. Телефон она нарочно забыла дома, чтобы родители не смогли отследить ее по шпионскому приложению *Find my phone*.

Это первый раз, когда она идет к Йонатану домой. Пользоваться *Google maps* она не может, вот и проложила в голове подробный маршрут. От школы дойти до площади “Габимы”¹, спуститься по бульвару до Дизенгоф-Центра, затем от Центра по улице Буграшов в сторону моря, свернуть налево на

1 Национальный театр Израиля. — Здесь и далее примеч. перев.

Пинскер, направо на Трумпельдор и снова налево — на улицу Хеврон.

За спиной у Габриэлы ее Деревянный медведь — виолончель весом 2,9 килограмма плюс футляр, на груди рюкзак. Ей не тяжело, даже наоборот — без них она бы чувствовала себя голой.

Уже в десятом классе, а все еще не проснулись? Доброе утро!

Этим утром Габриэла держалась отлично. Почистила зубы лечебной пастой (соленой!), позавтракала хлопьями с миндальным молоком (полезным!), и все это, слушая классическую музыку (классическую!).

В семь пятнадцать папа, как обычно, еще спал, а мама, тоже как обычно, носилась по дому с телефоном в руках.

— Твоя бабушка мне не отвечает, Габриэла. Вчера кто-то загрузил в “Ютуб” видео — она там орет на людей в поезде. Какой позор!

Габриэла была слишком сосредоточена на обдумывании своего преступления, чтобы воспринять эту информацию, и вообще она давно уже не следит за нескончаемой войной между мамой и бабушкой.

— Стой! — Мама поймала ее уже в дверях. — И не говори, что я плохая мать.

Габриэла взяла у нее пакет с завтраком и подумала: ты не плохая, ты даже слишком хорошая — приготовила бутерброд для преступницы, лгуньи, которая знает, какой она выйдет из дома, но не имеет ни малейшего представления, какой вернется.

Никогда еще она не пропускала школу, но сегодня выбора у нее нет. Вопрос жизни и смерти.

Если цена одного напитка втрое больше цены жевательной резинки...

В магазинчике на бульваре Бен-Цион Габриэла покупает жвачку со вкусом вишни. Она испытывает странное удовольствие, когда тянет за тонкую ленточку, вспарывая прозрачную упаковку. Подушечка лопается между зубами и выпускает свой химический сок. Вкус сбивает с толку, в нем нет ровным счетом ничего от ягод, но нёбу все равно приятно — сладко и прохладно. Вкус Йонатана.

Чем ближе Габриэла подходит к цели, тем сильнее кусают ее невидимые муравьи за щиколотки. На улице Буграшов правый глаз начинает предательски дергаться. Мозг — организатор преступного замысла — больше не желает ни за что отвечать и практически впадает в кому. Габриэла плетется вдоль кладбищенской стены по улице Трумпельдор и представляет, как бы Йонатан прокомментировал это. Например, как фильм о животных: “Известно, что габриэлы плохо функционируют по утрам, а в холодные дни вообще с трудом перетаскивают свое тело с места на место”. Сейчас ей кажется вполне логичным, что труп тоже называют словом “тело”.

Она пытается представить себе узкую кровать в комнате Йонатана — видела однажды набросок углем, который тот сделал. Интересно, а солнечный свет из окна на самом деле падает прямо на подушку?

Если вдруг так сложится, хоть это и кажется невозможным, что она сегодня ляжет на эту кровать, на эту подушку, а солнце будет светить ей в лицо, то она уверена, что даже не моргнет — изо всех сил станет держать глаза открытыми, пока не польются слезы. Она давным-давно не плакала. Семь дней, если быть точной.

Недостаточно просто дать ответ. Нужно расписать весь процесс решения.

Габриэла подходит к дорожке, ведущей к подъезду, но задерживается, чтобы соскрести пятнышко зубной пасты со свитера. Йонатан, кстати, никогда не говорил, что ненавидит этот свитер. Просто когда она заявила, что считает его уродским, он не спорил. Она слюнявит кончики пальцев, но все без толку. Пятно не поддается. Вот же черт, Габриэла, когда ты уже перестанешь чистить зубы, как ребенок?

Она и выглядит как ребенок и знает это. В этом позорном топике под свитером, в кедах тридцать пятого размера и ростом метр пятьдесят. Она едва выше своей виолончели.

Год назад она решила прийти в школу в туфлях на платформе, купленных мамой после долгих уговоров. Звезда театрального отделения ШАкед Кедми поинтересовался, не сперла ли она их у Амнона — учителя клоунады. Габриэла посмеялась вместе со всеми и больше никогда туфли не надевала.

Ну это же простые дробы. Вы это проходили.

Снова и снова пробовали объяснить Габриэле, что дробь — это те же четверти, восьмые, шестнадцатые и тридцать вторые, которые она играет на виолончели, и она должна их понимать. Но Габриэла не воспринимает никакие дроби, если те не написаны на нотном стане.

Она выплевывает потерявшую вкус жвачку в зеленую урну во дворе дома и натягивает рукава серого свитера на фиолетовые от холода кулачки. Еще минута. Еще минута — и зайду.

Между камнями во дворике дома виднеется что-то желтое — похоже на использованный презерватив. Как тот, что Адар из отделения визуального искусства выставила на смотре индивидуальных работ. По ролику из “Ютуба” Адар сотворила фальшивую сперму из яичного белка, йогурта, кукурузной муки, воды и — почему-то — соли.

“Почему твоя голова набита всякой мутью? — снова набрасывается на себя Габриэла. — Это просто кусок грязного полиэтилена!”

Зубы покусывают кончик языка — наверное, это ужасно выглядит со стороны, думает она. Но никто ее не видит. Это обычный дом — ни камер, ни охранника тут нет.

С верхушки фикуса кто-то чирикает, будто подталкивая ее: зай-ди, зай-ди. Виолончель за плечами, наоборот, тянет откинуться назад, улечься прямо тут, на дорожке из гранулита, ведущей к дому. Но Габриэла стоит неподвижно, а ветер ворошит сухие листья у ее ног. Глубокий вдох, выдох, и Габриэле кажется, что на секунду она и ветер попали в такт.

Женщина в ярком пальто возникает неожиданно — выталкивает из подъезда коляску с ребенком.

— Конфетка! — орет карапуз в коляске.

— Ты одну уже съел! — отрезает мамаша, не замечая того, что видит Габриэла.

Конфета выпала из руки малыша и стремительно превращается в Мекку для муравьев. Сколько минут Габриэла уже так стоит? Четыре? Восемь? Шестнадцать? Тридцать две?

Если бы Йонатана спросили, почему Габриэла не заходит, он ответил бы одним словом: “Трусит”.

9:05–9:50 История

Так! Тихо! Диктую. Нация тире группа людей с общей идентичностью запятая проживающая на определенной территории запятая с общими историей запятая языком запятая традициями запятая культурой и обычаями точка.

Можно ли считать Габриэлу и Йонатана нацией? Их идентичность определена территорией (художественная гимназия), есть общая история (пусть и очень короткая), один язык (грандиозно, гротескно, инфернал), традиции (кормление уличных кошек), культура (старые книжки и виниловые пластинки), обычаи (грызть ногти), но все-таки никакая они не нация. На самом деле даже определение “пара” звучит в их случае преувеличением.

В прошлом людей объединяли семья и религия точка в девятнадцатом веке запятая с развитием национальных движений запятая старые устои пошатнулись запятая а люди почув-

ствовали принадлежность к чему-то большому точка.

Семейная ячейка Габриэлы включает папу-молчуна, маму-говорунью и бабушку, которая предпочитает живым людям мертвых писателей.

Религиозная ячейка состоит из главной жрицы — педагога по виолончели в консерватории, ворчливого проповедника — руководителя отделения классической музыки в гимназии, его верных служек — преподавателей сольфеджио и гармонии — и прихожан, с которыми она молится — играет в струнном квартете.

С появлением Йонатана в ее жизни все устои пошатнулись, и Габриэла впервые почувствовала, что она принадлежит к чему-то большому.

Зачатки националистического движения появились одновременно с просветительским движением запятая когда ученые запятая философы и художники осмелились критиковать правительство запятая веря запятая что все люди рождаются равными и имеют право на свободу мысли запятая собственности запятая вероисповедания точка.

Йонатан пришел в класс через две недели после начала учебного года. Его посадили рядом с Габриэлой, которая боялась, что он станет барабанить по столу, списывать у нее на контрольных и от него будет разить потом. К ее удивлению, он был незаметен,

неслышен и пах букетом из ПВА, свежей краски и вишневой жвачки. Дужка наушников на голове сдвигала волосы вперед, и они нависали над глазами, как черный театральный занавес.

Габриэле стало интересно, что он слушает. Немецкий металл? Английский панк? Армейские марши? Точно не Концерт для виолончели с оркестром Элгара¹. Концерт, ставший саундтреком ее жизни.

На показ работ по визуальным искусствам Йонатан выставил скульптуру человека в натуральную величину. Тело было сделано из проволоки и картона, рулоны туалетной бумаги остроумно выступили в роли суставов, а голова из папье-маше была слегка наклонена вниз, словно человек стесняется. По рубашке в клетку, голубым джинсам и особенно по оранжевой вязаной шапочке все поняли, что это изображение декана отделения. Сюрприз ждал всех, когда Йонатан вдруг достал зажигалку и поджег свое творение.

Занялось мгновенно. В рулонах были спрятаны кубики для розжига угля.

В зал влетел завхоз с огнетушителем, директриса кричала, что это подстрекательство к убийству, но декан всех успокоил, пояснив, что это “критика власти и свобода мысли — именно то, что мы требуем от наших студентов”.

Габриэла же определила соседа по парте худшей из оценок в своем лексиконе: выживаетеся.

1 Эдуард Уильям Элгар (1857—1934) — английский композитор-романтик.

После того как Йонатан поджег свою следующую работу “Школа” — макет квадратного здания высотой с полметра, выстроенный из учебников, — он обрел свой небольшой фан-клуб. Но через неделю он поджег чучело кота в мешке, и декан отделения вызверился на него: “Это банально, это имитация, это мертвечина! Это пиромания, а не созидание! И я не удивлюсь, если в конце концов ты подожжешь живую кошку, чтобы доказать нам, какой ты особенный”.

Йонатан больше не поджигал своих работ. Не лепил, не рисовал, не писал... не созидал. Во всяком случае, на занятиях. Тут он сидел и смотрел на въевшуюся в подоконник пыль, на кучу опилок, на трещины, образовавшиеся на краске, засохшей в ведре. Учителям говорил, что ждет вдохновения или что у него болит голова, и выглядел скучающим и отстраненным.

Иногда он делал наброски прямо на серой школьной парте карандашом, который одержимо точил. Единственной, кому довелось увидеть эти нежные и робкие почеркушки, была Габриэла, сидевшая рядом. В основном это были замысловатые геометрические объекты, таинственные спирали, текучие лабиринты — все, что не могло иметь четкого названия вроде “кот”, “школа” или “декан”.

Французская революция начертала на своем флаге лозунг двоеточие открыть кавычки свобода запятая равенство запятая братство закрыть кавычки точка.

В один из первых февральских дней, напрочь лишенных свободы, равенства и братства, струнный квартет с Габриэлой в составе занялся планомерным изничтожением Квартета № 4 до минор Бетховена. Первая скрипка торопилась, вторая запаздывала, а альт просто играл другую пьесу. “Повезло тебе, что ты мертв, Людвиг ван”, — думала Габриэла. В конце урока она написала маме, что заскочит в нотный на улице Грузенберг, а оттуда уже поедет на автобусе домой.

Она искала утешения в улыбках пожилой пары — продавцов, которые знали ее по имени, — и в запахе затхлости, пропитавшем крошечный, доверху забитый нотами магазинчик. Стоя там, между полками, она наслаждалась поразительным контрастом между тишиной, царящей в магазине, и шквалом звуков, наполняющим ее уши, когда она листала случайный нотный сборник.

Несмотря на холод, небо было прозрачное, без единого облака. На Габриэле были расклешенные брюки с вышитыми на задних карманах цветами и черная водолазка, за спину закинут Деревянный медведь — ее неизменный спутник. На полпути к магазину, как раз перед поворотом с Алленби, она увидела его.

Йонатан стоял на коленях у витрины обувного магазина. По тротуару распластались полы длинного кожаного плаща. Габриэла готова была поспорить, что плащ сшит из мышьиной кожи. Хоть Йонатан и стоял к ней спиной, Габриэла точно знала, во что он одет под плащом: светлый тонкий шарф, дав-

но нуждающийся в стирке, дырявая длинная футболка асфальтового цвета, темные шорты чуть выше колена и уродливые сандалии на ужасно скрипучих липучках — униформа армии, в которой служит один-единственный солдат — он сам. В рамках своего глобального бунта этими сандалиями в начале февраля Йонатан попирал времена года. Вытянув руку, он подманивал к себе изможденное, дрожащее существо с отрезанным хвостом. Габриэла, хоть и обещала своей учительнице по виолончели, что прекратит делать это, сначала оторвала зубами изрядный кусок ногтя на безымянном пальце и лишь потом направилась к Йонатану. Деревянный медведь, словно приободряя ее, похлопывал по спине при каждом шаге. Уже вблизи она разглядела приманку — сырой ломоть лосося ярко-розового цвета. Йонатан добыл его из маки-ролла, остатки которого валялись в черном пластиковом лотке у его ног.

Габриэла немедленно представила себе, что будет дальше: кот сунется к рыбе, Йонатан обеими руками схватит его за шею, сломает ее и запихнет тушку в приготовленную для этого сумку, лежащую рядом на тротуаре. Позже он набьет из кота чучело, чтобы поджечь его на очередной школьной выставке.

— Давай уже, глупыш, — подбадривал Йонатан бесхвостого.

Голос у него был детским — возможно, из-за свистящего зуба. Хоть он и сидел рядом с Габриэлой в классе, она, считай, никогда не слышала его голоса. Если он и интересовался, “сколько осталось до

конца урока”, или бурчал “извини” за то, что случайно наступил ей на ногу, то цедил это сквозь зубы.

По пальцам задней кошачьей лапы можно сосчитать, сколько раз Габриэла решалась подойти к незнакомцу противоположного пола — в смысле, к мальчику. Ее всегда останавливала какая-нибудь навязчивая мысль. Появилась такая и в этот раз: я некрасивая.

Формулировка лаконичная, но ощущение вполне развернутое. Габриэла мечтала бы вытянуться, расширить глаза-бусинки, уравнять ноющие асимметричные припухлости на груди, а еще, конечно, здорово было бы обуздать волосы, которые норовят вырасти в самых неожиданных местах на ее теле. Одним словом, на вопрос, что бы она хотела изменить в себе, Габриэла ответила бы: “Все”. А потом уточнила бы: “Все, кроме виолончели”.

— Отстань от него... — смогла наконец выдавить из себя Габриэла, но из-за наушников Йонатан не услышал ее.

Если бы я была хорошенькой, пронеслось у нее в голове, он точно услышал бы меня даже с наушниками.

Йонатан не схватил кота, не сломал ему шею и, похоже, даже не собирался набивать из него чучело. Он просто погладил бесхвостого. Потом разбросал кусочки рыбы вдоль витрины, и казалось, что кот, который грациозно передвигался от одного кусочка к другому, выбирает себе пару туфель.

Должно быть, Габриэла подошла слишком близко к Йонатану, потому что взгляды их встретились.

На картине Антуана-Жана Гро Наполеон изображен среди пораженных чумой в Яффо. Обратите внимание — он касается одного из больных солдат голыми пальцами, чтобы показать бесстрашие и поднять боевой дух.

Густые брови Йонатана рифмовались с его мясистыми губами, редкая поросль туманилась на подбородке, а кожа лица, покрытая кружевом из прыщей, была бледно-розовой. На мгновение Габриэле захотелось коснуться голыми пальцами его щеки. Вместо этого она выдавила “Привет” и почесала затылок — условный знак всех лишенных базовых социальных навыков.

Не успел он снять наушники, как она, испугавшись, обогнула его и быстрым шагом устремилась прочь. Габриэла вспомнила, как отец однажды сказал ей, что когда смотришь на нее сзади, то ее саму и не видно — просто виолончель с ножками. Хорошая шутка — из тех маленьких родительских подарков, которые остаются с тобой на всю жизнь.

Встань! Ты прекрасно знаешь, что сделал! Не перебивай меня! Я тебе не подружка, наглец!

— Встал! Ты прекрасно знаешь, что сделал! Рот закрой! Я не твой приятель, сопляк!

Габриэла оглянулась — это орал продавец, выскочивший из обувного магазина. Он был больше похож на спасателя с пляжа — загорелая лысина, тонкая цепочка и рубашка в обтяжку. Так Габриэла

представляла людей, которые звонят на радио, чтобы костерить правительство, вне зависимости от того, кто у власти. И наверняка он гладит ступни женщинам, примеряющим поддельные брендовые туфли, которыми он торгует. Такие до смерти боятся жены, но геройствуют перед мальчишкой, кормящим кошек. Все произошло мгновенно. Продавец пнул лоток суши своим пошитым в Китае итальянским кожаным ботинком. Кусочки рыбы разлетелись по проезжей части, превратившись в смертельные ловушки для четвероногих. Бесхвостый отпрыгнул с пронзительным мяуканьем. Габриэла тоже попыталась закричать, но звук вырвался на частоте, не воспринимаемой человеческим ухом. Йонатан же вскочил на ноги, сунул сжатый кулак прямо к лицу продавца, и из кулака, точно из выкидного ножа, выхлестнул средний палец.

Кто напомнит классу, что мы говорили на прошлом уроке о романтическом движении?

Продавец обуви отвесил Йонатану такую пощечину, что у Габриэлы, стоявшей шагах в десяти, зазвенело в ушах. Она испугалась, что Йонатан подожжет продавца, подожжет обувной магазин, подожжет улицу, но он просто подобрал свою сумку и ушел. Резкий сигнал грузовика вывел Габриэлу из паралича.

Трудно бежать, когда тащишь на закорках Деревянного медведя, но она старалась как могла.

— Йонатан, подожди! — позвала она, задыхаясь, но ее крик снова разбился о наушники.

И лишь когда ее обглоданный ноготь коснулся его облупившегося кожаного плаща, он резко обернулся.

Йонатан приготовился к драке с торговцем обувью, но увидел Габриэлу и сдвинул с уха правый наушник:

— Это у тебя что, фишка такая — следить за мной?

— Он просто debil... идиота кусок. Правильно, что ты ему не ответил.

— А как думаешь, почему я ему не ответил?

Йонатан достал из кармана серебристую турбозажигалку с пламенем, похожим на фиолетовый лазер. Зажег. Погасил. Зажег-погасил.

— Этот долбень еще пожалеет, что встретил меня.

Глаза Йонатана выглядели так, будто их отшлифовали наждачной бумагой.

Педагог по виолончели как-то заговорила с Габриэлой об озарении, о редчайших моментах, когда тебя осеняет, когда в сознании будто распахивается потайная дверь. Габриэла все ждала, что озарение случится с ней во время игры на виолончели, но произошло это почему-то посреди улицы Аленби в неоновом свете вывески круглосуточного супермаркета.

Перед ее глазами всплыла дверь обувного магазина, простая дверь — два стеклянных прямоугольника один над другим в алюминиевой раме. За верхним стеклом табличка, на которой черным по золотому выгравировано: воскресенье — четверг 9:00—19:00, пятница 9:00—12:00.

Габриэла бросила взгляд на мобильник: 18:14.

— У меня есть идея. Пошли!

— Куда?

— Идем, говорю!

Перед ними торжественно разъехались автоматические двери супермаркета.

— Да что с тобой? — Он бежал за ней между полками, поднимая все, что с них падало, сбитое ее неуклюжей виолончелью.

— Вот! — Она наконец остановилась. Скомандовала: — Держи! — и сунула ему в руки мешок сухого кошачьего корма весом 7,2 кг.

Быстрыми движениями она хватала упаковки с желе на любой кошачий вкус: говядина, индейка, смесь курицы и утки, печень, лосось, морская рыба и даже одна с гордым названием “Деликатес”. Родители всегда следили за тем, чтобы в ее кошельке были деньги на еду, такси и мелкие удовольствия, которые почти всегда оказывались новыми нотными сборниками. Если скажет, что купила ноты, ей поверят. Мама не отличит Шёнберга от шнауцера.

— Ну и что за план? — спросил Йонатан.

— Месь, — улыбнулась она.

Романтическое движение. Никто, конечно, не помнит.

Устроившись на автобусной остановке, они наблюдали за обувным магазином через дорогу.

Йонатан опять нацепил наушники и курил самокрутку, а она жевала щеку и переписывалась с мамой.

Я с Соней из консерватории. Познакомились в нотном магазине. Что-нибудь поедим и приеду.

Кто это Соня?

Скрипачка. Недавно приехала из России. Симпатичная. Кошек любит.

Ты лучшая! Ей повезло, что она встретила тебя. Возвращайся не поздно.

За их спинами сбрасывали с крыши в контейнер строительный мусор по трубе из бездонных ведер. Габриэла подумала, что звуки стройки — неотъемлемая часть саундтрека этого города. Вместо птиц и сверчков — скрежет и грохот отбойных молотков. Тут всегда шумно.

— Что слушаешь? — Она показала на наушники, но Йонатан не слышал ее.

Он был весь напряжен и курил папироску, будто высасывал остатки молочного коктейля через соломинку. Пожилая женщина подошла к остановке и с кошачьей улыбкой уставилась на пакет с сухим кормом, лежащий между ними.

Оба испытали облегчение, когда прибыл ее автобус.

— С начала зимы всего дважды шел дождь, — начала Габриэла, заикаясь.

Это прозвучало как начало лекции о глобальном потеплении. Она повернула голову к Йонатану, но тот был занят тушением окурка о стенку остановки.

На секунду она почувствовала, что вот сейчас им можно остановиться и разбежаться, каждому пойти

своей дорогой. Планирование мести будоражило, но ожидание ее осуществления оказалось делом изматывающим и нервным. Рабочих со стройки, запыленных с ног до головы, затолкали в грузовик. Ближайший магазин одежды уже закрылся. Хозяин фотоателье с шумом опустил стальные жалюзи и вздохнул. Улица внезапно показалась заброшенной. Только автобусы носились из стороны в сторону со скоростью ветра.

Йонатан смотрел на футляр виолончели, молчаливого участника их заговора.

— Я зову его Деревянный медведь, — сказала Габриэла.

Он никак не отреагировал.

“Эти наушники начинают меня бесить”, — подумала Габриэла.

Наконец и продавец обуви повесил железный замок на дверь магазина. О происшествии, так взбудоражившем подростков, он, казалось, и думать забыл и бодрой походкой двинулся от магазина, ничего не подозревая.

Романтическое движение!

По плану Габриэлы фасад обувного магазина должен был превратиться в *pop-up* ресторан “Кошачья месть”. Консервы нужно открыть и расставить вдоль витрины, а сухой корм сложить высокой кучей перед входной дверью. Потом останется просто представлять выражение лица продавца на следующее утро.

В голове у Йонатана сложился другой план. Он увидел, что на обувном нет решетки, а значит, и сигнализации, скорее всего, тоже нет. Продавец, очевидно, слишком жадный, такой не станет платить за охрану, тем более что его подделки того не стоят.

— Сейчас, — сказал Йонатан, выудил кирпич из контейнера для мусора и перебежал дорогу. Габриэла поспешила за ним, а он, недолго думая, разнес вдребезги нижнее стекло входной двери.

Единственным, кто хоть как-то отреагировал на грохот разбитого стекла, был бездомный, возмущившийся, что его отвлекли от дискуссии с самим собой и нарушили ход его мысли.

Йонатан, наступая на осколки, опустился на четвереньки и полез внутрь магазина.

— Осторожно, — прошептала Габриэла, но его голова уже высунулась наружу и потребовала:

— Давай сюда мешок, Габриэла!

Впервые он назвал ее по имени. Она послушно передала ему пакет с сухим кормом и прижалась спиной к витрине. Габриэла слышала шум рассыпающегося по магазину корма и ждала полицейских сирен, лучей вертолетных прожекторов, разгневанных горожан с факелами, своих родителей... Все это исчезло, когда Йонатан постучал изнутри по витрине магазина.

— Открывай консервы и передавай мне!

Говядина, индейка, смесь курицы и утки...

Голова кружилась, виолончель все еще была за спиной, и из-за этого каждое движение становилось замедленным и неловким.

Печень, лосось, морская рыба...

Она перепачкала руки рыбьим желе, а когда поправляла мешающую прядь, и ухо.

Габриэлу замутило от запаха, но она передавала упаковку за упаковкой Йонатану, а тот разбрасывал содержимое с видом капризного шеф-повара — приправляя фальшивые “адидасы”, кожаные туфли и алые босоножки на шпильках.

Вскоре появились покупатели — черные, белые, полосатые, мамаша с котенком и даже домашняя кошка с ошейником от блох.

— Что там происходит? Я вызываю полицию! — кричали с балкона второго этажа.

— Йонатан, бежим! Бежим! Бежим!

Габриэле казалось, что она вот-вот задохнется. Только когда они были уже в трех кварталах от магазина, напряжение вырвалось из них громким хохотом.

Йонатан только теперь сдвинул наушники на затылок.

— Это было грандиозно, — сказал он, и элегантное это слово тут же обосновалось в словаре Габриэлы. — Йоу! Что у тебя с рукой?!

Она смотрела на свою руку, будто та принадлежала кому-то другому. Длинный порез от указательного до большого пальца. Когда это случилось?! Следом за жутким зрелищем накатила и резкая боль.

— Как назло, левая! — ужаснулась Габриэла.

Я диктую: романтическое движение зародилось в конце восемнадцатого века точка в от-

личие от Просвещения запятая романтическое движение придавало большое значение сердцу запятая эмоциям точка.

— Держи. — Йонатан стянул с шеи тонкий шарф.

— Не так уж и глубоко. — Она улыбнулась ему сквозь слезы. — Я в порядке.

— Нет. Ты не в порядке. У тебя кровь хлещет, как из крана.

Йонатан стащил с ее плеч виолончель и почтительно уложил на скамейку. Неожиданно нежными движениями перебинтовал шарфом ладонь. Ткань тут же окрасилась бордовым.

— Слушай, выглядит кринжово, — сказал он.

“Он обнимает меня, — думала Габриэла, — а у меня волосы воняют рыбьим желе”. Габриэла понимала, что надо бы позвонить маме, но она же соврала ей, что сейчас с Соней.

— Соня, — хихикнула Габриэла.

— Соня? — переспросил Йонатан. — Кто такая Соня?

— Ты Соня!

— Я Йонатан, — сказал он с опаской. — У тебя глюки?

— Хватит, мне больно смеяться.

— Ты меня пугаешь.

“У меня будет гангрена, мне ампутируют руку, и я не стану виолончелисткой. Но зато у меня будет парень”.

— Нужно везти тебя в травмпункт, — сказал Йонатан и принялся заказывать такси с телефона.

Пока они ждали, говорил с ней, чтобы она не заснула:

— Скажи, а почему ты вскрикнула: “Как назло, левая!”? Что не так с левой?

Габриэла объяснила, что правая рука просто держит смычок, а вот пальцы левой бегают по грифу.

— Как паук, плетущий паутину, — сказала она, чувствуя, что это самое глупое из всего, что она могла ляпнуть, но Йонатан прищурился, будто представляя, и резюмировал:

— Паук. Круть.

Мама не должна узнать о нем. Не потому что рассердится или что-то такое. Как раз наоборот, она будет счастлива:

— У маленькой Габриэлы наконец-то есть парень!

Она станет говорить об этом по телефону со своими подругами, задавать тысячи вопросов и покупать ей презервативы.

— Что за музыку ты слушаешь? — Габриэла кивнула на наушники на его шее.

— Я не слушаю музыку. Они ни к чему не подключены. Просто... блокируют лишний шум.

Габриэла была очарована этой идеей, и ровно тогда, когда почувствовала себя такой счастливой, из ее глаза выкатилась слеза. Он не вытер слезу, хотя их лица были близко, а позволил слезе скатиться на щеку и дальше по шее. В этом тоже Габриэла усмотрела оригинальность.

— Ты же не выкинешь ничего отстойного? Не умрешь тут внезапно, к примеру? — спросил он, с тревогой поглядывая на ее забинтованную руку.

— Если я умру, — ответила она, — то вернусь из загробного мира, чтобы доставать тебя. Я... я буду дуть на твою зажигалку каждый раз, когда ты будешь пытаться зажечь сигарету.

— Это реально может выбесить, — согласился Йонатан.

Он взглянул на телефон — свободных такси все еще не было.

— А как я узнаю, что это ты, а не ветер?

— М-да. Верно. Тогда... тогда я подую тебе прямо в ухо.

Ничто так не пугало Габриэлу, как отит. Говорят, одного серьезного воспаления уха достаточно, чтобы навсегда повредить слух.

— Кошки, к слову, ненавидят, когда им дуют в ухо.

— Вообще-то звучит очень даже приятно, — сказал Йонатан.

— Это не так. Это ужасно!

— Ну дунь!

Он приблизил ухо к ее рту, она сложила губы колечком и дунула.

К следующему уроку повторите материал, пожалуйста. Я не могу каждый раз начинать с нуля!

“Зачем все это помнить?” — спрашивает себя Габриэла, глядя на шрам на руке. Есть пугающий шанс, что это не шрам на всю жизнь. Вполне возможно, что через несколько месяцев от него не останется и следа.

Она никогда не возвращалась в тот магазин узнать, какое впечатление произвела кошачья вендетта. Это уже неважно. Это уже история.

— Хватит! — говорит она себе низким голосом. — Вернись в настоящее. В настоящем времени ты прогуляла занятия, чтобы побывать в доме у Йонатана, так почему ты еще не там?